

**О некоторых уточнениях
понятия «следственная ситуация»
и его отношениях со смежными
криминалистическими понятиями**

В статье рассматривается понятие «следственная ситуация» и его отношения со смежными криминалистическими понятиями. Отстаивается мнение о том, что в понятии следственной ситуации следует различать обстоятельства и условия, создающие обстановку, в которой предстоит вести расследование. Обосновываются правила криминалистического анализа и оценки следственной ситуации. Исследуется вопрос о месте данного понятия в системе криминалистики. Опровергается мнение о принадлежности типовых исходных данных о преступлении к криминалистической характеристике механизма аналогичных преступлений.

Ключевые слова: следственная ситуация; понятие; природа; оценка; значение; соотношение с другими понятиями.

В процессе расследования по уголовным делам применяются различные собственно-криминалистические методы, в том числе ситуационный метод. Учет следственной ситуации при планировании и осуществлении расследования необходим во всех случаях для эффективного использования методико-криминалистических рекомендаций. Невозможно себе представить успешное решение задач расследования без учета следователем характера и объема доказательственной и ориентирующей информации о преступлении и его участниках, а также о конкретных условиях, в которых будет протекать процесс доказывания по уголовному делу. В криминалистике сложная система взаимодействующих факторов, образующих определенную обстановку, в которой протекает конкретный акт расследования, именуется термином «следственная ситуация».

Ситуационный подход в расследовании следует рассматривать именно как метод криминалистики, представляющий собой определенную систему познавательных приемов, связанных с получением информации о факторах, формирующих обстановку, ее оценкой и учетом в процессе планирования и осуществления расследования.

Именно в этом аспекте рассматривали следственную ситуацию многие авторы начиная со второй половины 60-х годов прошлого столетия. Заметный вклад в формирование взглядов на проблему следственной ситуации внесли А.Н. Колесниченко, В.К. Гавло, Л.Д. Драпкин, Н.А. Селиванов, И.Ф. Герасимов, В.И. Шиканов и другие авторы, хотя в их представлениях на данную проблему имелись существенные расхождения. Основной ограниченностью имевшихся определений понятия следственной ситуации Р.С. Белкин обоснованно считал то обстоятельство, что в них шла речь в основном о состоянии следствия по делу и ничего не говорилось о внешних по отношению к расследованию условиях [1: с. 133]. По его мнению, следственная ситуация по отношению к процессу расследования носит преимущественно внешний характер, т. е. она представляет собой «совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование...» [1: с. 135]. Из этого положения следует, что автор допускает наличие как внешних, так и внутренних составляющих данного понятия по отношению к конкретному акту расследования. Внутренняя составляющая характеризует состояние самого следствия на различных его этапах, т. е. степень доказанности отдельных обстоятельств, образующих предмет расследования по делу, и решения, помимо установления истины, других задач следствия. По этой причине представляется целесообразным указание в определении понятия «следственная ситуация» не только на условия (внешняя составляющая), о которых писал Р.С. Белкин, но и на обстоятельства, создающие совместно с ними обстановку (внутренняя составляющая), в которой предстоит или приходится вести расследование.

Под ситуацией, по словарному определению, понимается именно сочетание условий и обстоятельств, создающих определенную обстановку, положение [2: с. 182]. Поэтому, если под условиями, в которых в данный момент предстоит вести расследование, понимаются, например, компоненты материального и организационно-технического характера (возможность мобильного маневрирования наличными силами и средствами, использования специальных знаний при производстве отдельных следственных действий и возможностей судебно-экспертных учреждений и т. п.), то под обстоятельствами следует понимать компоненты следственной ситуации информационного, а также процессуально-тактического характера (например, осведомленность следователя об обстоятельствах преступления, состояние производства по делу и т. п.).

Исходя из данных положений под следственной ситуацией предлагается понимать совокупность обстоятельств и условий, создающих обстановку, в которых предстоит или приходится осуществлять расследование. В данном определении обстоятельства указаны на первом месте не случайно. Именно

обстоятельства, выраженные компонентами информационного и процессуально-тактического характера, определяют задачи, требующие первоочередного решения, и направления расследования по делу, а условия расследования обуславливают выбор тактики решения сформулированных задач следствия.

В связи с изложенным возникает вопрос о том, входит ли оценка сложившейся следственной ситуации в ее содержание. Р.С. Белкин, в отличие от И.Ф. Герасимова, давал на этот вопрос отрицательный ответ, полагая, что «оценка всегда внешнее по отношению к оцениваемому» [1: с. 137]. И.Ф. Герасимов считал: «Ни в научном, ни тем более в практическом плане разорвать содержание следственной ситуации (ее признаки) с ее мысленной оценкой следователем не только нельзя, но и по существу невозможно. Если исключить оценку из понятия следственной ситуации, то, — утверждал далее автор, — нельзя... говорить о практическом значении данной категории» [4: с. 8–9]. В этом споре мы на стороне Р.С. Белкина. Действительно, следует различать следственную ситуацию как объективную реальность и ее оценку как мысленную деятельность. В данном случае возможно говорить только о единстве восприятия следственной ситуации и понимания ее смыслового значения на основе оценочных действий. А это означает, что при познании оцениваемого следователь восходит от живого созерцания к абстрактному мышлению. Эти две ступени познавательного цикла, предшествующие принятию тактического решения, берутся в единстве и означают по существу содержание первого структурного элемента общего метода расследования преступлений [7: с. 90].

При анализе понятия «следственная ситуация» возникает вопрос о его природе: относится ли оно к числу понятий криминалистической тактики или должно рассматриваться в теоретической части криминалистической методике. Р.С. Белкин полагал, что оценка следственной ситуации «реализуется именно в тактическом решении, получающем свое внешнее выражение в планировании расследования» [1: с. 138]. На наш взгляд, данное понятие должно рассматриваться в обоих указанных разделах криминалистики, но с различных позиций. С учетом того, что в криминалистической тактике рассматривается тактика отдельных следственных действий, в этом разделе целесообразно рассматривать понятие следственной ситуации и ее оценку применительно к тактике конкретных следственных действий.

В этом разделе оценка следственной ситуации должна реализовываться в тактическом решении, получающем свое выражение в определенном сочетании тактических приемов в рамках конкретного следственного действия. В криминалистической же методике оценка следственной ситуации должна осуществляться применительно к планированию расследования по уголовному делу, содержанием которого являются сложные тактические комбинации (операции), т. е. определенные сочетания следственных и иных действий.

Такое решение данного вопроса обусловлено тем обстоятельством, что вопросы планирования расследования относятся, по нашему мнению, исключительно к криминалистической методике и рассматриваются они в частных методиках исходя из типов исходных данных о преступлении и его участниках.

Отвечая на вопрос о природе понятия «следственная ситуация», следует заключить, что оно имеет тактическое значение в обоих указанных разделах криминалистики: в криминалистической тактике играет роль в разработке тактики следственных действий, а в криминалистической методике — в построении частных методик расследования. На этом основании данное понятие составляет элемент общих положений как одного, так и другого раздела криминалистики. По мнению же И.А. Возгрина, понятие «следственная ситуация» должно рассматриваться только в заключительном разделе науки [3: с. 351–352].

В связи с изложенным следует обратить внимание на недопустимость упоминать при построении частных криминалистических методик на следственные ситуации как на их структурный элемент. Дело в том, что следственные ситуации не поддаются типизации по всему их компонентному составу. Их можно типизировать только по информационному и процессуально-тактическому компонентам. Процессуально-тактический компонент, выраженный преимущественно состоянием производства расследования по делу, используется при формировании частных методик в целях определения периодизации этапов расследования. Информационный же компонент следственной ситуации в виде типовых исходных данных о преступлении и его участниках имеет при создании этих методик другое значение: он обуславливает содержание задач следствия, требующих первоочередного решения, и выбор направлений расследования. Условия же расследования как внешний элемент следственной ситуации, в силу их бесконечного разнообразия, не поддаются типизации. По этой причине частные методики разрабатываются в расчете на благоприятные условия расследования, что требует их адаптации в процессе доказывания по делу с учетом особенностей обстоятельств и условий расследования единичного преступления. Следовательно, в частных методиках применительно к отдельным этапам расследования следует излагать только типы исходных данных о преступлении и его участниках, не называя их следственными ситуациями.

Требуется рассмотрение и вопрос о соотношении следственной ситуации и криминалистической характеристики механизма преступлений. В криминалистической литературе отмечается, что наличие и характер имеющейся в распоряжении следователя доказательственной и ориентирующей информации зависит от механизма расследуемого события и условий возникновения его следов в окружающей среде [1: с. 135]. Но является ли это основанием для включения классификации исходных данных в видовую криминалистическую характеристику преступления? Р.С. Белкин при рассмотрении этого вопроса писал: «Исходные данные нельзя расценивать как следственную ситуацию, а их типизацию как типизацию следственных ситуаций... но они, несомненно, соответствуют понятию криминалистической характеристики преступлений и должны быть включены в ее содержание» [1: с. 312–313]. Но так ли обстоит дело на самом деле? В другом месте своей работы Р.С. Белкин уже утверждал обратное: «...полнота или неполнота исходных данных, наличие в них тех или иных пробелов еще не характеризует самого преступления. Это особенности

не самого преступления, а лишь одной из сторон (осведомленности следователя) и лишь одного из компонентов (информационного) следственной ситуации» [1: с. 328]. В этой связи он обоснованно критиковал Д.А. Турчина, который полагал, что «следственная ситуация — это одномоментная криминалистическая характеристика преступления на определенном этапе ее развития... есть аппарат, одно из средств познания преступления» [6: с. 28]. «Такое определение, — писал Р.С. Белкин, — представляется **принципиально неверным** (выделено нами. — С. Ч.), во-первых, потому, что здесь отождествляются два разных понятия, никак не связанные друг с другом, а во-вторых, потому, что следственная ситуация, уж конечно, не служит средством познания, она его объект» [1: с. 133].

Мы полностью поддерживаем такое решение этого спорного вопроса. Действительно, криминалистическая характеристика механизма преступлений конкретного вида и типы исходных данных, под которыми в литературе ошибочно понимается следственная ситуация, — это разноплановые понятия. Первое понятие относится к сфере преступной деятельности, второе — к ее антиподу, т. е. к сфере доказывания. При этом следует учитывать, что содержание криминалистической характеристики механизма преступления отражает то, что существует объективно, независимо от воли субъекта расследования, а типы исходных данных базируются в основном на личном опыте следователя в расследовании аналогичных преступлений, что неизбежно связано с определенной потерей информации об этих преступлениях.

Необходимо ответить и на такой вопрос, связанный с рассматриваемым понятием: что является объектом текущего криминалистического анализа — преступление или сложившаяся по делу следственная ситуация? А.В. Дулов писал о криминалистическом анализе преступления как элементе практической деятельности по расследованию, исходя из имеющейся информации относительно этого преступления [5: с. 3–9], Р.С. Белкин был склонен считать, что это понятие отражает содержание первой части общего метода расследования [1: с. 433]. По мнению этих авторов, такой анализ осуществляется на базе типовой криминалистической характеристики данного вида преступления, основанной на обобщенных результатах изучения подобных преступлений. Однако криминалистический анализ преступления возможен лишь по завершении его расследования, при рассмотрении обстоятельств уголовного дела в качестве единицы информации в целях ее обобщения. Очевидно, что нужно вести речь о криминалистическом анализе не преступления, а сложившейся по делу следственной ситуации, который включает: а) учет всей совокупности имеющейся информации об отдельных компонентах следственной ситуации; б) криминалистический анализ следственной ситуации, осуществляемый по имеющейся информации о преступлении и условиях его расследования на базе криминалистической характеристики механизма сходных преступлений и криминалистической характеристики системы деятельности по их расследованию.

Таковы приемы текущего криминалистического анализа следственной ситуации на эмпирическом уровне. При создании частных методик расследования криминалистическому анализу подвергаются лишь обобщенные исходные данные о преступлении данного вида. Информационной основой такого анализа является криминалистическая характеристика механизма сходных преступлений. Условия расследования по конкретному делу учитываются при адаптации частных методик в целях индивидуализации содержащихся в них планов расследования.

Хотя Р.С. Белкин писал о криминалистическом анализе преступления, он при рассмотрении понятия «тактическое решение» обоснованно полагал, что «тактическое решение — это выбор цели тактического воздействия на следственную ситуацию в целом или отдельные ее компоненты, на ход и результаты процесса расследования и его элементы и определение методов, приемов и средств достижения этой цели» [1: с. 163]. То есть в данном случае автор в неудачно выбранный термин включал содержание, соответствующее и теории, и практике. В связи с этим при расследовании конкретного преступления подвергается криминалистическому анализу не преступление, а сложившаяся по делу следственная ситуация.

Таковы наши соображения по вопросу о понятии «следственная ситуация» и его соотношении с рассмотренными выше понятиями криминалистики.

Литература

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3. М.: Юристъ, 1997. 480 с.
2. Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 39. М.: БСЭ, 1956. 640 с.
3. Возгрин И.А. Общие положения методики расследования преступлений // Криминалистика. СПб., 1995. С. 347–369.
4. Герасимов И.Ф. К вопросу о следственной ситуации // Следственная ситуация. М., 1985. С. 6–11.
5. Дулов А.В. К вопросу о криминалистическом анализе преступления // Сборник рефератов научных сообщений на теоретическом семинаре — криминалистических чтениях. 1977. Вып. 19. С. 3–9.
6. Турчин Д.А. О разработке теории следственной ситуации // Следственная ситуация. М., 1985. С. 27–30.
7. Чурилов С.Н. Перспективы развития системы научных положений криминалистической методики в свете общей теории криминалистики // Человеческий капитал. 2012. № 8 (44). С. 88–91.

Literatura

1. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki: v 3 t. T. 3. M.: Yurist', 1997. 480 s.
2. Bol'shaya sovetskaya e'nciklopediya. 2-e izd. T. 39. M.: BSE', 1956. 640 s.
3. Vozgrin I.A. Obshhie polozheniya metodiki rassledovaniya prestuplenij // Kriminalistika. SPb., 1995. S. 347–369.
4. Gerasimov I.F. K voprosu o sledstvennoj situacii // Sledstvennaya situaciya. M., 1985. S. 6–11.

5. *Dulov A.V.* К вопросу о криминалистическом анализе преступления // Сbornik referatov nauchny'x soobshhenij na teoreticheskom seminare — kriminalisticheskix chteniyax. 1977. Vy'p. 19. S. 3–9.

6. *Turchin D.A.* O razrabotke teorii sledstvennoj situacii // Sledstvennaya situaciya. M., 1985. S. 27–30.

7. *Churilov S.N.* Perspektivy' razvitiya sistemy' nauchny'x polozhenij kriminalisticheskoy metodiki v svete obshhej teorii kriminalistiki // Chelovecheskij kapital. 2012. № 8 (44). S. 88–91.

S.N. Churilov

On Some Refinements of the Concept of the Investigative Situation and its Relations with Related Forensic Concepts

The article deals with the concept of the investigative situation and its relationship with related forensic concepts. It is argued that in the concept of the investigative situation it is necessary to distinguish between the circumstances and conditions in which the investigation is to be conducted. The rules of forensic analysis and evaluation of the investigative situation are provided. The question of the place of the given concept in the system of criminalistics is investigated. The opinion about the belonging of typical initial data about the crime to the forensic characteristics of the mechanism of similar crimes is refuted.

Keywords: investigative situation; concept; nature; evaluation; meaning; correlation with other concepts.